
ПРОЦЕДУРА
№18
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Анастасия Сталь

Процедура 18

«Автор»
2026

Сталь А.

Процедура 18 / А. Сталь — «Автор», 2026

Я — L-094-3317. Но сама себя называю Эль.У всех в нашем мире есть номера, но у мужчин хотя бы есть имя. У меня такого права нет. Зато у меня есть обязательство.Вчера мне исполнилось восемнадцать, и уже завтра я должна пройти Протокол N° 18 с оборотнем.Равнодушие родителей пугает меня.Джон — мой будущий партнёр для создания идеального потомства. Нас назначили друг другу, когда мне было четырнадцать. И я думала, что мы друзья...А сегодня утром он поздравил меня с тем, что смог подвинуть меня в очереди. Протокол пройдёт не через два месяца, а уже завтра.И это стало последней каплей...

© Сталь А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 15
Глава 3 21
Глава 4 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Анастасия Сталь
Процедура 18

Пролог

Из учебника «История Возрождения». Для учащихся выпускных классов. Издание 108 года от Кары.

§ 1. Мир до Кары

За несколько десятилетий до Кары человечество достигло небывалого технического расцвета. Машины выполняли почти любую работу, а искусственный разум научился заменять человеку собеседника, друга и возлюбленного.

Сначала появились программы-компаньоны, которые умели слушать, утешать и ни в чём не перечили. Затем — человекоподобные машины для близости. Они были доступны, послушны и никогда не отказывали. Всё больше мужчин предпочитали их живым женщинам: машина не требовала ни заботы, ни обязательств, ни семьи.

Браки распадались, а новые почти не заключались. Живая близость между мужчиной и женщиной стала редкостью, а потом и вовсе пережитком прошлого. Рождаемость упала так низко, что детей начали выращивать в пробирках — из донорских клеток, в клиниках, без любви и без семьи. Человечество называло это прогрессом.

Господь долго ждал, что люди одумаются. Но они не одумались.

§ 2. Кара

В нулевой год, который ныне называют годом Кары, женщины утратили дар зачатия.

Девочка росла и развивалась как прежде. Но в тот миг, когда она теряла невинность, её тело замирало и больше не могло зачать ребёнка — ни от мужа, ни из пробирки.

Учёные прошлого пытались найти причину и исцелить женское тело, но все их усилия оказались тщетны.

§ 3. Годы пустых колыбелей

Человечество держалось на запасах, сохранённых в банках жизни. Выносить ребёнка могли лишь женщины, рождённые до Кары. Каждая из них была на счету, и с каждым годом их становилось всё меньше.

К сорок пятому году от Кары последние из них утратили способность к материнству. Рождения прекратились. Одна за другой закрывались школы — сначала в маленьких поселениях, потом и в больших городах. Родильные дома переделывали в дома престарелых: рожать было некому, а стариков с каждым годом становилось всё больше. Большинство заводов постепенно остановилось — не хватало рабочих рук. Население Земли сократилось до малой доли прежнего.

Это время вошло в историю как Годы пустых колыбелей.

§ 4. Возвращение к вере

В годы испытаний люди вновь обратились к Богу. Были отстроены храмы. Машины для близости и всё, что подменяло живую связь мужчины и женщины, оказались под запретом. Человечество отказалось от греха и вернулось к истокам.

И Господь услышал.

§ 5. Пришествие Хранителей

В шестьдесят второй год от Кары в каждое поселение пришли Хранители — по десять в каждое. Это были молодые мужчины ростом от двух с половиной до трёх метров, во много раз сильнее человека, с острым звериным чутьём, которое особенно обостряется ночью. За эту звериную природу в народе их называют оборотнями.

Вскоре учёные установили главное. Если девушку впервые делает женщиной Хранитель, его семя пробуждает её замершее тело. После этого она может родить и от Хранителя, и от обычного мужчины. От союза с Хранителем рождаются только сыновья, унаследовавшие природу отца.

Так Хранители стали для человечества спасением. С тех пор каждая девушка, достигшая восемнадцати лет, проходит Протокол 18 — сутки с Хранителем, после которых она вновь обретает дар материнства.

В знак благодарности Хранителям, состоящим на службе, даются имена ангелов и святых: Рафаэль, Габриэль, Михаил, Даниил. Пусть каждая девушка помнит, что её ведёт рука, посланная свыше.

§ 6. Порядок и учёт

Для сохранения человечества был введён единый порядок. Каждой гражданке при рождении присваивается номер, отражающий её линию и данные здоровья. Номер дополняется данными каждого обследования и сопровождает гражданку всю жизнь. Мужчинам, как главам будущих семей, помимо номера даётся имя, которое выбирают родители.

В четырнадцать лет девушке подбирается партнёр, наилучшим образом подходящий для рождения здорового потомства. Как правило, он старше её примерно на десять лет, чтобы к началу семейной жизни уже твёрдо стоять на ногах и обеспечивать растущую семью.

Города, соединённые охраняемыми железнодорожными линиями, получили свои обозначения — от столицы А1 до самых дальних поселений.

§ 7. Колыбель и забота Хранителей

Чтобы каждая девушка встретила Протокол 18 подготовленной и спокойной, была создана программа «Колыбель». Окончив школу в семнадцать лет, девушки в течение года изучают основы семейной жизни, ведения хозяйства и уважения к мужу, а также правила, на которых держится наш мир.

Хранители, принявшие на себя служение людям, получили медицинское образование. С четырнадцати лет каждую девушку наблюдает врач-Хранитель. Так она с юных лет привыкает доверять тем, кто был послан ей во спасение, и встречает свой Протокол без страха.

После Протокола 18 пара проходит регистрацию и начинает совместную жизнь. Система поддерживает каждую семью: выплачивает пособия, предоставляет жильё, а многодетным семьям даёт особые привилегии. Женщина, родившая троих детей, получает право на профессиональное образование и работу.

§ 8. Отступники

К сожалению, не все Хранители и их сыновья остались верны своему предназначению. Часть из них отказалась служить людям. Они покинули города, ушли в пустоши между линиями и объединились в незаконные группировки, которые сами себя называют Стаями.

Отступники похищают женщин, торгуют запрещёнными товарами и нападают на поезда. Не путай их с Хранителями! Хранитель носит белый халат, служит системе и бережёт тебя. Отступник живёт вне закона, и встреча с ним может стоить тебе жизни.

Именно поэтому с 22:00 до 6:00 действует комендантский час, а поездки между городами совершаются только в охраняемых составах.

§ 9. Новое время

Сегодня человечество вновь растёт. Год за годом в наших городах рождается всё больше детей, а пустые колыбели прошлого остались лишь в учебниках истории.

Помни: твой номер — твоё место в истории. Твоё тело — ответ на молитвы наших предков.

Глава 1

Глава 1

Чёрт, чёрт, чёрт! До комендантского часа двадцать пять минут.

Ливень. Я промокла до нитки и замёрзла так, что не чувствую пальцев. А таксист просто высадил меня на окраине и уехал.

И во всём виноваты часы. Я совсем про них забыла.

Ровно в 21:30 они громко и чётко объявили на весь салон:

«L-094-3317, завтра в 6:30 вам необходимо явиться: город А1, здание В12. Протокол 18».

Водитель побледнел. Мы были в нескольких часах езды от А1, и он сразу понял: к утру я туда не вернусь. И не собираюсь.

«Мне за тебя срок не нужен», — бросил он, остановил машину в нескольких кварталах от станции и уехал, даже не взяв денег.

Последний поезд — в 21:50.

Комендантский час — с десяти вечера до шести утра.

Я бегу.

Первые два квартала всё нормально. Навстречу попадаются прохожие, и от этого спокойнее: город ещё не уснул. Я успею. Я должна успеть.

21:45. Осталось совсем чуть-чуть.

Шаги.

Я оборачиваюсь — никого. Только дождь и пустая улица. Бегу дальше.

Снова. Тяжёлые, размеренные шаги, всё ближе.

Под фонарём, в конце квартала, стоит он. Огромный, выше любого мужчины, плечи шире дверного проёма. Лица не видно, только глаза — два жёлтых отблеска сквозь стену дождя.

Блять!

Он не двигается. Просто смотрит.

И тут я понимаю, почему он не подходит. Ещё нет десяти.

Он ждёт…

* * *

Шестнадцать часов назад

«Доброе утро, L-094-3317. 06:00, вам пора вставать. Напоминаем: до Протокола 18 осталось пятьдесят девять дней».

Я выключила часы, не открывая глаз. Пятьдесят девять. Почти два месяца. Целая жизнь. Тогда я ещё не знала, что все мои планы и мечты разрушатся в течение суток.

Приведя себя в порядок, я спустилась на первый этаж, планируя в голове свой день. После обеда мы должны были встретиться с Джоном, моим «партнёром для идеального потомства». Фу, как же меня бесит это определение.

Когда девушке исполняется четырнадцать, ей подбирают «подходящего» мужчину. Всё в системе нашего мира настроено на повышение численности населения. По моим анализам и параметрам мне и подобрали Джона. Он старше меня на десять лет и работает в системе здравоохранения.

Мои родители — законопослушные граждане: отец постоянно растёт по карьерной лестнице, а мама родила уже семерых детей, поэтому у нас есть привилегии. Одна из них — мне подобрали достаточно успешного партнёра: из хорошей семьи, с хорошим образованием и карьерой. Кстати, я младшая. Все мои братья и сёстры давно обзавелись семьями и разъехались по стране, вполне довольные жизнью.

Я услышала голоса родителей ещё на лестнице, но, занятая своими мыслями, не разобрала, о чём они говорили.

Мои родители, Марк и С-054-0412 (я называю её Си), сидели за столом и что-то обсуждали. Но как только я зашла на кухню, они сразу замолчали. Странно. Мама улыбнулась и кивнула на стол, где уже стоял мой завтрак.

— Чем сегодня займёшься? — спросила Си.

— Как будто у меня есть выбор. Ты же знаешь, до одиннадцати я буду в «Колыбели». Ненавижу это место.

— L-094-3317, что за неподобающие разговоры в нашем доме! Это очень важная программа! Она должна подготовить вас к семейной жизни. Научить уважать мужа. Вести хозяйство. Соблюдать правила системы и помогать нашему миру спасти человечество от вымирания.

— Сделать нас заложниками в руках партнёра и видеть смысл жизни только в рождении детей. Бла-бла-бла.

— Марк! Ты её слышишь? Это переходит все границы!

— Милая, мне кажется, ты несколько утрируешь, — сказал отец. — Мы с мамой вполне счастливы. У нас крепкая семья. Разве так плохо подготовиться к семейной жизни заранее? Я думал, тебе нравится Джон.

— Он мой друг. Но семья… дети… Я не хочу.

— Эль! — Отец впервые повысил голос. — Ты не должна так говорить, ты не должна так чувствовать, слышишь? Это абсолютно исключено. Если кто-то из наших знакомых это услышит… Пообещай мне, что больше никогда не будешь говорить эту ересь вслух. И тем более не смей говорить это Джону. Он работает в системе, он работает на Протокол.

— Обещаю…

— Ну вот и славно. С сегодняшнего дня будешь рассказывать мне и маме за ужином, что вы проходили в программе. И что тебе понравилось.

— Ха, может, лучше — что не понравилось?

— Юная леди, не перечь отцу, — отрезала Си. — Нет аппетита? Отлично, значит, тебе пора на учёбу.

Я встала из-за стола, и в этот момент часы на запястье коротко пискнули.

«L-094-3317, обновление статуса. Ваша очередь перенесена. До Протокола 18 остался один день. Завтра в 6:30 вам необходимо явиться: город А1, здание В12».

Я перечитала надпись трижды. Один день. Не пятьдесят девять. Один.

Следом пришло сообщение от Джона:

«Поздравляю! Я смог тебя подвинуть. Протокол длится всего сутки, а потом нас зарегистрируют, и мы наконец-то будем жить вместе. Я так долго этого ждал!»

Всего сутки. Для него это «всего».

Я подняла глаза на родителей. Мамины часы тоже пискнули. Она пробежала глазами экран, кивнула и начала собирать тарелки.

— Ну вот и хорошо, — сказала она. — Тебе давно пора повзрослеть. Джон тебя исправит.

Отец ничего не сказал. Просто уткнулся в свою чашку.

Руки дрожали. Я закрылась у себя в комнате и не знала, что делать. Не знала, на кого злюсь больше: на Си с её «Джон тебя исправит» или на равнодушие отца. И что задело меня сильнее… Джон. Мы друзья, да. Но мы никогда не обсуждали Протокол 18. Он пытался, но мне это было неприятно.

Часы снова пискнули.

«L-094-3317, в течение 30 минут вам необходимо явиться на Час доверия (инструктаж к Протоколу 18). „Колыбель“, корпус Р, кабинет 18».

Вот срань! Они ещё и инструктаж к этому придумали. Какая мерзость. Пришлось быстро одеваться и бежать в «Колыбель». Проигнорировать сообщение было нельзя: родителям выписали бы штраф, а меня всё равно притащили бы туда силой.

* * *

«Колыбель». Корпус Р — «Протокол». Кабинет 18.

У входа меня встретили две девушки-администратора. Проверили мой номер, часы и пропустили внутрь.

Ко мне подошёл оборотень — огромный мужчина в белом халате. Все оборотни были мужчинами, ростом от двух с половиной до трёх метров. Физически сильнее обычных людей и привлекательнее. И они чувствовали запах невинности. Особенно ночью: к полуночи их нюх обострялся, а к шести утра заметно слабел. Вроде бы это как-то связано с ультрафиолетом.

— L-094-3317, верно? — спросил доктор-оборотень.

— Да.

— Я провожу вас на инструктаж, в кабинет 18. Пройдёмте.

Помещение было жутковатым. Всё розовенькое и миленькое. Экраны в коридорах крутили ту самую мерзкую рекламу с местного ТВ. «Протокол 18 — всё только начинается», «Протокол 18 — первый шаг к счастливой семье», «Колыбель заботится. Протокол открывает. Семья продолжает», «Твоё тело — дар миру», — вещали женщины с экранов.

Мне хотелось убежать. Ну серьёзно, неужели одна я вижу, насколько эти видео наигранные? Неужели такие речи могут кого-то успокоить или убедить? Но самое странное — в коридорах были девушки моего возраста, и они выглядели вполне довольными. Задавали врачам вопросы, улыбались. С некоторыми даже пришли матери.

Кабинет 18 оказался обычным кабинетом гинеколога. Оборотень провёл осмотр на кресле, взял анализы. Процедура была стандартной, но от этого не менее мерзкой. С четырнадцати лет и до Протокола ты обязана проходить осмотр только у гинеколога-оборотня. Чтобы привыкла. Чтобы доверяла.

— Можете одеваться, — равнодушно сказал врач и вышел из кабинета.

Следом зашла администратор и попросила пройти в соседнюю аудиторию. Просторная комната, снова тошнотворного розового оттенка. Аккуратные ряды стульев и внушительный экран впереди. На стульях сидело несколько девушек, кого-то я знала, кого-то нет. Я села рядом с одноклассницей. Мы кивнули друг другу.

Свет погас. Включился экран.

На экране рассвет над полем. Тихая музыка, мягкий женский голос:

«Давным-давно люди забыли о главном. Они отвернулись друг от друга и выбрали холодные машины вместо живого тепла. И тогда Господь закрыл для нас дар жизни.

Это время мы называем Карой.

Сорок пять лет человечество держалось на последних каплях надежды. Пустели школы. Замолкали детские площадки. Последние колыбели стояли пустыми.

Но мы не сдались. Мы вернулись к вере и обратились к Богу. Мы отказались от греха. И Господь услышал наши молитвы.

В шестьдесят второй год от Кары Он послал нам Хранителей — сильных, мудрых, созданных, чтобы вернуть нам будущее.

Сегодня каждая из вас — часть великого чуда. Ваш номер — это ваше место в истории. Ваше тело — ответ на молитвы наших предков.

Протокол 18 — это не конец детства. Это начало жизни».

Девушки в белых платьях стоят между Хранителями и своими мужьями. У их ног смеются дети.

По телу побежали мурашки.

Хранители. Так их называют по телевизору. Но все знают, как их называют на самом деле.

Поначалу, может, всё и было мирно и прекрасно. Но со временем наши «спасители» поняли: от женщины у них рождаются только мальчики-оборотни. Девочек не рождается никогда. А значит, без нас им не выжить. Теперь они всё чаще сбиваются в стаи и охотятся на женщин, чтобы наплодить себе подобных.

Поэтому и ввели комендантский час.

Музыка на экране сменилась на весёлую, детскую. Мультяшный сад: розовые бутоны, солнышко с улыбкой.

«Каждая девушка — как бутон. Она растёт, набирается сил и ждёт своего часа.

Но бутон не может раскрыться сам. Ему нужен Садовник — тот, кто знает, как бережно помочь цветку распуститься.

Хранитель — ваш Садовник. Он почувствует, когда вы будете готовы. Это совершенно естественно: так задумал Господь.

Первое прикосновение может показаться непривычным. Иногда бутону немного больно раскрываться. Не бойтесь: это значит, что всё идёт правильно.

Протокол длится всего одни сутки. Хранитель будет рядом всё это время. Ваша задача простая — довериться.

А потом бутон становится цветком. И цветок готов давать новую жизнь».

Мультяшный бутон раскрывается, из него вылетают маленькие сердечки. Рядом появляется второй цветок — «муж», — и вокруг них вырастает целая поляна крошечных цветочков-детей.

«Помните: цветок, который сопротивляется, вянет. Цветок, который доверяет, расцветает».

Музыка стихает. Белые лепестки медленно падают на детскую кроватку. Тот же тёплый голос, почти шёпотом:

«Закрой глаза. Утром ты проснёшься другой».

Затемнение. Детский смех.

Жесть. Они что, думают, нам двенадцать? Это неадекватно…

Дело в том, что после Кары наши тела будто сломались. Девушка растёт как обычно, но в момент, когда она теряет невинность, организм просто выключается — и больше не способен к зачатию. А Хранитель — единственный, кто может это исправить. Если невинности девушку лишает он, его семя запускает цикл. И с момента Протокола 18 она может забеременеть — и от оборотня, и от обычного мужчины.

То есть по факту мне надо переспать с оборотнем. Просто отдать своё тело незнакомому мужику и ещё быть за это благодарной. А то, что они объясняют это через цветочки… Это отвратительно.

Включился свет. Нам раздали памятки.

ПАМЯТКА УЧАСТНИЦЫ ПРОТОКОЛА 18

Дорогая участница! Поздравляем вас с важнейшим днём вашей жизни!

1. Явитесь в назначенное время. Опоздание недопустимо.

2. Накануне Протокола ложитесь спать не позднее 21:00. Хороший сон — залог доверия.

3. Наденьте светлую одежду. Белый цвет — символ чистоты и нового начала.

4. Не покидайте город проживания до окончания Протокола.

5. Если вы чувствуете тревогу, это нормально. Повторяйте про себя: «Я доверяю. Я готова. Я — дар».

6. После Протокола вас и вашего партнёра ждёт регистрация. Поздравляем с началом семейной жизни!

Помните: Хранитель — ваш друг. Вы в надёжных руках.

Уклонение от Протокола 18 является нарушением Закона о сохранении человечества и влечёт ответственность для участницы и её семьи.

Я схватила листок и постаралась как можно скорее уйти из этого неадекватного места.

— L-094-3317! Эль! Постой! — окликнула меня одноклассница.

— Привет, Ви.

— Эль, я так рада, что уже завтра мы пройдём Протокол 18!

— Ага.

— Это же прекрасно! А послезавтра мы уже сможем переехать к нашим мужьям. А ещё… хочешь узнать секрет?

— Какой?

— Нам с тобой достался один и тот же Хранитель — Рафаэль! Он очень классный. Он проводил Протокол всем моим сёстрам, и они остались очень довольны. А Эс говорит, что это было даже лучше, чем с её мужем, представляешь? — с улыбкой до ушей вещала Ви.

— Что? Откуда ты знаешь?

— Сегодня утром папа сказал мне по секрету. Твой Джон спросил у него совета, папа ведь его начальник. И они вместе решили, что лучший выбор для нас с тобой — Рафаэль.

— Э-э-э… Кажется, меня сейчас вырвет, — прошептала я и рванула в уборную.

— Эль! Не переживай ты так, всё пройдёт замечательно! Я сегодня общалась с Рафом, он просто душка! — крикнула мне вслед Ви.

Конец фразы я уже не расслышала за звуками рвоты…

* * *

Пока я бежала домой, меня всю трясло. Я не могу. Я просто не могу на это пойти.

Джон… Как он мог? Я думала, мы друзья. Думала, он меня понимает. А он распоряжается моим телом так, как ему хочется. И наверняка ещё думает, что помогает мне.

Зайдя домой, я первым делом проверила, есть ли кто-нибудь. Слава Богу, никого. Я быстро поднялась наверх, открыла дверь в свою комнату — и не поверила своим глазам.

Шкафы были распахнуты и почти пусты. На кровати валялись какие-то ненужные мелочи и мусор. Ни моих книг, ни украшений… Ничего.

Родители. Чёрт! Как я могла забыть? Они уже перевозят мои вещи. И, возможно, совсем скоро вернутся — и тогда до утра не спустят с меня глаз.

Я схватила с пола рюкзак и собрала то, что осталось. А осталось негусто: несколько комплектов поношенного белья, трое старых рваных джинсов, две толстовки, жёлтый свитер и несколько футболок. В «Колыбель» я ходила в платье, поэтому быстро переоделась в самые удобные из оставшихся чёрные джинсы, чёрную футболку и чёрную толстовку. Ура, мои старые, но удобные кроссовки тоже стояли на месте.

Вещи собраны. Я закинула рюкзак на плечо, дёрнула дверь — и за ней что-то зашуршало.

С крючка на обратной стороне двери свисал чехол. Белый.

Я расстегнула молнию, уже зная, что там.

Платье. Длинное, белое, с тонким кружевом по вороту. Идеально отглаженное: мама, видимо, успела утром, пока я была в «Колыбели». К вешалке был привязан ярлык: «L-094-3317. Протокол 18». А ниже маминым почерком: «Будь самой красивой. Мама».

Белый цвет — символ чистоты и нового начала. Пункт три.

Меня снова замутило. Я застегнула чехол, будто могла спрятать его обратно, и вышла, не оглядываясь.

Но оставалась одна проблема: мне нужны были наличные.

Часы на руке отслеживают моё местоположение только в момент, когда приходит сообщение или когда я ими что-то оплачиваю. Значит, такси нужно вызвать с домашнего телефона и заплатить обычными деньгами.

Кажется, у отца была заначка. На праздники он покупал на неё алкоголь у оборотней. Официально у нас алкоголь запрещён: он вредит здоровью, а значит, и будущему потомству. Но взрослые знают, где его достать.

Да! Отлично! Здесь очень даже приличная сумма. Я взяла не всё, только чтобы протянуть первое время. Родителям после моего побега придётся платить штрафы и, скорее всего, давать взятки, чтобы моё нарушение не коснулось братьев и сестёр.

Я вызвала такси и назвала адрес, который давно знала наизусть: маленькая станция на самой окраине округа, в восьми часах езды от A1. Оттуда раз в сутки, в 21:50, уходит поезд дальнего следования до B1.

Переезды между городами у нас — закрытая система. Между городами хозяйничают банды оборотней, и не раз бывало, что они останавливали поезда и вытаскивали из вагонов девушек. Поэтому теперь составы идут бронированными: двери блокируются на отправлении, и до конечной никого не выпускают и не впускают.

В крупных городах на вокзалах проверяют номер и разрешение на выезд. Но на маленьких станциях смотрят сквозь пальцы. А стоит оказаться в вагоне — тебя уже никто не высадит до самого B1.

Восемь часов в машине. Одна посадка. И меня уже не достанут.

Я думала, что еду на свободу…

* * *

Сейчас

21:52.

Где-то за домами протяжно гудит поезд. Мой, сука, поезд. Звук удаляется и тает в шуме дождя.

Всё. Опоздала.

Оборотень по-прежнему стоит под фонарём. Не двигается. Только голова чуть поворачивается мне вслед, когда я отступаю на шаг. Потом ещё на один. Он делает вдох — глубокий, медленный, — и я вдруг понимаю, что он делает. Он меня нюхает.

А чему я удивляюсь? Для него я пахну как рождественский пирог.

21:55.

Часы на запястье вибрируют.

«L-094-3317, комендантский час начинается через пять минут. Немедленно вернитесь домой».

Домой. Смешно.

И я бегу. Сердце колотится, я не знаю, что делать. У меня пять минут и никакого плана.

Я сворачиваю на соседнюю улицу с витринами магазинов и дёргаю все двери подряд в жалкой попытке укрыться хоть где-нибудь. Где-то с седьмого раза мне попадается обычная железная дверь. Дёргаю её… И — о чудо! — она открывается.

Я забегаю внутрь, захлопываю дверь и медленно сползаю по ней на пол, пытаясь отдышаться.

Через пару минут я прихожу в себя и понимаю, что это жильё какое-то странное. Везде валяются мужские вещи. Не просто мужские… Вещи-то, блин, огромные!

Похоже, я угодила в дом Хранителей. Блять! Утром они отвезут меня обратно в «Колыбель», и тогда мне уже не отвертеться.

Я встаю и тихонько иду по коридору. Может, удастся спрятаться где-нибудь в укромном месте. Может, Хранители на ночной смене…

Квартира большая, похоже, когда-то здесь был магазин. И чем дальше я осматриваюсь, тем сильнее убеждаюсь: это не дом Хранителей. Это логово оборотней. Настоящих, злых. Как тот, от которого я сейчас убегала.

Здесь нет ни одного знака системы — ни белых халатов, ни документов. Зато стоят ящики с алкоголем, точно такие бутылки отец приносил домой. На кухне, на столе, карта движения поездов, пачка наличных и сигареты. Сигареты я вижу всего второй раз в жизни. Они очень дорогие, нам не по карману. Только однажды папа где-то достал пару штук — когда у старшего брата родился сын. Его первый внук.

Тишину разрывает звук открывающейся двери. Входной двери!

Я рвусь из кухни, сама не зная куда. Открываю первую попавшуюся дверь — массивную, тяжёлую, но мне уже, честно говоря, плевать. За ней лестница вниз. Спускаюсь — две двери. Открываю правую.

Огромная ванная комната… И в ванной кто-то есть.

Огромный голый мужчина с длинными светлыми волосами. Будто только что вылез из ванны и протянул руку к полотенцу.

И тут ворвалась я…

Ноздри оборотня раздуваются. Он делает шаг мне навстречу.

— Э-э-э… Приве-е-ет… — хриплю я и пячусь назад.

— Ого. Какого чёрта ты тут делаешь? Тебя привёл мой брат?

— Не-е-ет. Я просто… я случайно оказалась в вашем доме. Меня ждут родители. Я не успела добраться домой до комендантского часа…

Пикают проклятые часы:

«L-094-3317, 22:15. Вы вне зоны действия GPS. L-094-3317, завтра в 6:30 вам необходимо явиться: город А1, здание В12. Протокол 18».

Оборотень улыбается.

— Не успела домой, говоришь… До А1 восемь часов езды. Кажется, кто-то испугался Протокола и решил сбежать на поезде.

Я сползаю на корточки и плачу. Он подходит ко мне — абсолютно голый, — одной рукой поднимает меня на ноги и прижимает к двери.

— Посмотри на меня. Я не причиню тебе вреда. Слышишь?

Он берёт меня за подбородок и заставляет посмотреть ему в глаза. Одним пальцем стирает слёзы с моих щёк. И тут до меня начинает доходить, что он голый. Огромный здоровый мужчина… со всеми своими причиндалами, соответствующими его росту, так сказать. В общем, плакать мне перехотелось. Мне захотелось кричать!

И тут сверху доносится шум, будто кто-то быстро ходит по квартире.

— Чёрт! Это мой брат. — Он слегка встряхивает меня. — Он опасен для тебя, слышишь? Похоже, он учуял твой запах. Если он тебя найдёт, домой ты уже никогда не вернёшься. Я могу тебя спрятать. Но тогда ты сделаешь всё, что я скажу, и не будешь показывать страх.

Я киваю. А что мне ещё остаётся?

— Раздевайся.

— Чего?

Он стаскивает с меня всё, кроме нижнего белья. Слава Богу. Делает это так быстро, что я даже не успеваю понять, что происходит. Подхватывает меня на руки — огромный голый мужчина, мокрый, капли воды ещё стекают по его телу. Заставляет обнять его и обхватить ногами. И так выходит в небольшой коридор.

Наверху лестницы открывается дверь. Я не вижу, кто там. Только слышу дыхание. Будто дышит зверь.

— Привет, Икс, как дела? Ты это… немного отвлекаешь. Как видишь, я тут слегка занят.

— Кто это? — рычит Икс.

— Да встретил сегодня в городе девчонку. Хочет обойти Протокол 18 и сбежать в пригород, знаешь… Я решил ей помочь. Ты бы её не пугал. Что-то ты какой-то нервный сегодня.

— С каких пор мой весь такой правильный братец насилует девушек?

Я слышу, как Икс начинает спускаться по лестнице.

— Я же тебе говорю, она сама попросила.

Мой оборотень рычит в ответ и прижимает меня сильнее.

— Она моя, Икс. Ты знаешь правила!

Рычащее дыхание. Шаги наверх. И хлопок дверью такой силы, что дрожат стены.

Меня ставят на ноги. Пока я стою и дрожу от холода и шока, мой спаситель — или не очень — взлетает по лестнице и запирает дверь на несколько массивных замков.

Я не могу думать. Он спускается, хватает меня за руку и затаскивает в соседнюю с ванной дверь. Внутри что-то вроде холостяцкой берлоги.

— Как тебя зовут? — пищу я.

— Дабл.

— А я Эль. Может, ты оденешься?

Я сажусь на кровать и поджимаю под себя ноги.

Он накидывает халат и закуривает. Я молчу, меня трясёт. Так проходит минут десять. Потом Дабл встаёт, подходит и накидывает мне на плечи одеяло.

— Эль, значит… Прошу тебя, не бойся меня. Да, я живу в логове и состою в банде. Но это семейное дело, у меня нет выбора. Я против насилия над женщинами. И против того, чтобы их превращали в инкубаторы.

— Типа ты хороший оборотень, но бандит? — хохочу я от абсурдности всей этой сцены.

— Ну да, — улыбается Дабл.

— Значит, ты поможешь мне сесть на поезд?

— Вот с этим как раз и проблема… Пойми, я принадлежу своей банде. Я не могу сначала привести девственницу в свой дом, заявить перед братом права на первую кровь, а потом вывести её у него на глазах невинной. Я хочу тебе помочь, но, боюсь, есть только один способ тебя спасти…

Бояться я уже не могу. Я слишком устала.

— Какой?

Дабл берёт меня за руку и смотрит мне в глаза. Глаза у него голубые, тёплые. Он убирает с моего лица запутавшуюся прядь.

— Я не причиню тебе вреда. Икс пришёл домой очень злой, и я боюсь, что он не выдержит и ворвётся к нам. Поэтому, чтобы не было проблем ни у тебя, ни у меня, нам нужно переспать до утра. И чем быстрее, тем лучше.

Глава 2

Глава 2

— Это ты сейчас серьёзно?

— А ты сама видишь другой выход? — Он вздыхает. — Давай так. Судя по всему, ты очень голодная. Я тебя сейчас накормлю. У меня тут есть мини-кухня, посмотрю, что можно придумать.

Только теперь я замечаю, что в другой части комнаты и правда есть мини-кухня. Дабл подходит к холодильнику и начинает доставать йогурты, булочки, колбасу.

— Подожди… Дикие оборотни пьют питьевой йогурт?

— Я что, по-твоему, дикарь? — Дабл с оскорблённым видом протягивает мне бутылочку. — Клубничный. Хотя я больше люблю банановый.

— Ха-ха! Дикарь любит банановый йогурт!

Дабл улыбается и протягивает мне бутерброд.

— Мы называем себя Стаей. Стаей Первых.

Улыбка сползает с моего лица.

Стая Первых. Я слышала это название — шёпотом, краем уха, от взрослых. Подробностей никто не рассказывал, но все знали одно: это они годами устраивают системе настоящую войну. Те самые, о ком по телевизору говорят «отдельные нарушители порядка».

— Первых?.. Тех самых?

— А ты о нас слышала? — Дабл, кажется, доволен. — Приятно.

— Как всё у вас серьёзно, — выдавливаю я.

— Ты даже не представляешь насколько. Здесь у тебя нет шанса спастись ни с кем, кроме меня.

— А почему ты хочешь мне помочь? Я, конечно, рада, что вы с братом не разорвали меня на части. Но всё-таки. Какой у тебя мотив?

— Я просто против насилия. Мне это неприятно. Я… Я встречался с девушкой три года. А полгода назад мой брат её убил. И отец поддержал его решение.

Дабл садится рядом со мной, опускает голову и закрывает лицо руками. Он не плачет, нет. Просто сидит и молчит…

— Э-э-э… Какая жесть. Почему ты тогда с ними живёшь? Почему не ушёл?

— Ты что, смеёшься? Брат, как только заподозрил, что я хочу сбежать с Кай, украл её и убил. А меня сдал отцу как предателя. Ты не представляешь, что мне пришлось вытерпеть. Я рос в Стае с самого рождения. У нас не сбегают. Так просто нельзя. Стая — это навсегда. А теперь за мной по всему городу таскаются ребята отца. Он приставил ко мне охрану, как к ребёнку. Надо мной все смеются. Я будто щенок, за которым нужен присмотр.

— М-да… А я думала, это у нас в семье сложно с доверием. Меня родители тоже не понимали. Особенно мама. Она считала, что я всё преувеличиваю, что мы живём в прекрасных условиях, а я просто вконец избалована отцом.

— Я даже не знаю, кто моя мать, Эль.

— О Боже, Дабл… Твой отец её…

— Не знаю. Он ничего мне о ней не говорит. И Икс молчит, хотя знает. Я будто изгой в собственной семье.

— Ха… Мне знакомо это чувство.

— Похоже, у нас с тобой есть что-то общее. Жаль, что такое грустное.

Я не выдерживаю и кладу руку ему на плечо. Здоровенное такое… Ого. Я никогда не трогала оборотня. Джон мало того что человек, так ещё и субтильного телосложения. А тут… такое. И я видела его голым… Боже, кажется, я краснею.

Дабл поворачивается, смотрит мне в лицо, потом на мою руку на своём плече — и улыбается.

Улыбка у него, конечно… Такая милая. Глаза будто сразу загораются. А ноздри начинают подёргиваться.

Ну вот, я опять забыла, что я пирог. Я смеюсь.

— Что смешного? — Дабл хватает меня за ладони. — Я, по-твоему, очень смешной?

— Очень смешной дикарь, который хочет меня съесть.

— Ну, допустим, не совсем съесть… Просто ты пахнешь так…

— Ха-ха! Как рождественский пирог? — Я давлюсь смехом.

— Боже, какие абсурдные мысли бродят в твоей маленькой голове. — Дабл качает головой. — Не пирог… Нет… Как последний банановый йогурт в холодильнике. Тот, за который я бы подрался с братом.

— Ха-ха-ха!

— Ну, или банановое мороженое.

Он всё ещё держит мои руки в своих. Наклоняется, касается губами шеи, и смех застревает у меня в горле.

— Банановое мороженое, — шепчет он мне на ухо. — Которое тает быстрее, чем успеваешь его съесть. И приходится слизывать…

Я напрягаюсь, меня слегка трясёт от такого прямого намёка. Я понимаю, что выбора у меня особо нет. Но шок сегодняшнего дня и моя полная неготовность к сексу… Ударить его вроде как нельзя, он же пытается помочь. Но как реагировать на такие намёки, я не знаю. С Джоном мы были друзьями до скрипа зубов, я никогда не воспринимала его как мужчину. А тут полуголый оборотень делает прямые намёки на то, что, похоже, уже неизбежно… Я пытаюсь чуть отодвинуться, чтобы не задохнуться от абсурдности всего этого дня.

И этот засранец лизнул меня в нос.

— Эль! Я не потащу тебя в кровать прямо сейчас. Во-первых, когда ты ворвалась в мою ванную, ты выглядела как мокрый взъерошенный хорёк. И тебе не помешало бы как минимум помыться.

— Чего? Ты это серьёзно? Я вообще-то очень даже симпатичная девушка! — взвизгиваю я от обиды. Хорёк, надо же!

Внешность в нашей системе не особо важна. Но сёстры всегда говорили, что мне подберут самого перспективного партнёра. А у людей высокого ранга всегда самые красивые женщины.

— Ну, я пока не успел тебя как следует рассмотреть… Хотя на ощупь ты очень даже приятная. Я заметил это, даже пока брат пытался меня отвлечь.

Я опять краснею и просто зависаю. Не знаю, что на это сказать. Джон меня разве что за руку иногда держал…

— Э-э-эль? Чего зависла? Вставай, пошли в душ. Я захвачу тебе свою футболку.

— А почему это мы должны идти в душ вместе?

— Потому что в доме мой брат. Он должен чувствовать, что ты со мной. Поверь, твой аромат будет преследовать его до самого… того самого. Ха-ха-ха!

— Да что ж за невезение сегодня на мою голову… Ладно. Душ так душ.

Мне и правда сразу хочется искупаться. Особенно после слов про хорька. К тому же в душе, кажется, есть шторка: я смогу снять бельё за ней, быстро помыться и там же переодеться. Там остался мой рюкзак с вещами, можно будет надеть сухое бельё — это успело промокнуть под дождём.

Дабл берёт футболку, подходит ко мне и протягивает руку.

— Пойдём? Или предпочитаешь снова запрыгнуть ко мне на руки и добраться до ванной прежним путём?

— О нет, я вполне могу идти своими ногами.

Я игнорирую его руку, встаю и иду к двери. Дабл идёт следом и хохочет во весь голос.

* * *

Я захожу в ванную первой. Дабл встаёт в дверном проёме. Я оглядываюсь: на полу лежит мой рюкзак и разбросаны мокрые вещи. Смотрю на огромную белую угловую ванну… А шторки-то нет…

— Дабл…

— Что? — улыбается он.

Заходит и закрывает за собой дверь.

— А что, у тебя нет шторки?..

— Да она мне как-то не нужна была.

Стоит, блин, и скалится во все свои прекрасные белые зубы… Блин, всё-таки он очень даже ничего… Ой, о чём это я думаю? А, собственно, о чём мне ещё думать?

Факт первый: мне придётся с ним переспать. Страшно ли мне? Очень! Но, как ни странно, сейчас мне легче на это согласиться, чем на Протокол 18. Там больница, розовенькие стены и врач-оборотень, который переспит со мной во благо человечества. Этакий благодетель. Будто я ему ещё спасибо должна сказать…

Факт второй: Дабл не Хранитель. По сути, просто самец. Мужчина, который откровенно намекает, что не прочь со мной повеселиться. Может ли быть опасен оборотень, который любит банановый йогурт? Да! Однако тот, что рычал на лестнице, кажется намного страшнее. И он явно не будет со мной сюсюкаться и мило улыбаться.

Какой из этого делаем вывод? Не хрен ломаться. Просто выдыхаем, и пусть всё идёт своим чередом.

Руки дрожат. Решение принято. Но что делать-то? Как… КАК дать понять Даблу, что я готова к Протоколу? Тьфу ты, мать твою, к сексу. По сути, это просто секс, а не Протокол. И я пришла к этому сама. Добилась, так сказать, своими силами… А-а-а-а… Кажется, я сейчас упаду в обморок… Блин, тогда, чего доброго, меня прямо во сне… того… Фу, Эль, о чём ты думаешь! Не будет Дабл этого делать. Ха-ха, ты знаешь его от силы пять минут и уже решила, что он не воспользуется тобой? Но Икс сказал, что Дабл не насилует девушек, правильно? Значит, я в относительной безопасности, если не буду сопротивляться…

Я вспоминаю лозунг из того ролика — «Закрой глаза. Утром ты проснёшься другой», — и мне становится так смешно, что я начинаю хохотать посреди комнаты. С меня падает одеяло, а мне всё равно. Я смеюсь дальше. Решение принято.

— Эль, ты в порядке? Сначала ты на пару минут впала в ступор, а теперь смеёшься.

— Я в порядке. Просто вспомнила лозунг из нашей пропаганды: «Закрой глаза. Утром ты проснёшься другой».

Дабл улыбается. Боже, ну что за улыбка… Он подходит, подхватывает меня за талию и ставит прямиком в ванну. Включает душ и начинает лить воду мне на голову.

— Ой, ну холодная же!

— Да сейчас, пару секунд — и пойдёт тёплая. Я хочу тебя помыть, не дёргайся. И наконец пригладить твои торчащие во все стороны волосы. А то ты как городская сумасшедшая.

— О-о, прогресс! Я уже не хорёк, а человек. Ха-ха!

Вода становится теплее, и мне правда становится легче. Будто с меня смывают весь стресс сегодняшнего дня. Дабл тянет руку к моей спине и… расстёгивает мне бюстгальтер. Я даже не успеваю понять, что происходит. Руки сами тянутся вверх, чтобы прикрыть грудь.

— Эль, не бойся меня. Я просто хочу тебя помыть. И для этого мне надо снять с тебя бельё. Пожалуйста, попробуй просто не сопротивляться. Я понимаю, что доверять мне ты не можешь. Но хотя бы не бойся.

— Ты как себе это представляешь? Я сбежала из города, чтобы избежать Протокола 18 с Хранителем. Я не могу не бояться.

— А я и не Хранитель. Я из Стаи. Я очень суровый мужчина, который сходит с ума от твоего запаха. С первой секунды, как тебя увидел, я тебя захотел. И я терплю. Но сейчас, с каждой секундой, пока с тебя смывается запах пота и дождя, терпеть становится всё невыносимее…

Я быстро убираю руки с груди, хватаю шампунь и лью себе на голову. Начинаю мыть волосы в надежде, что он не набросится на меня в ту же секунду, потому что теперь я буду пахнуть… пахнуть…

— Дабл, какого чёрта у тебя банановый шампунь?!

— О, Эль, в этой пене ты теперь точно пахнешь как самое соблазнительное мороженое в моей жизни.

И этот мерзавец скидывает халат, запрыгивает ко мне в ванну и целует меня прямо сквозь пену. Пенилась я от души, поэтому даже не сразу понимаю, что происходит. И… я… отвечаю на поцелуй. Не знаю почему. Потому что хочу, или потому что у меня нет выбора. А может, потому что терять уже нечего… Дабл отрывается от меня и хрипит мне в ухо:

— Эль… Ты должна понять, я уже не остановлюсь. Я просто не могу…

— Э-э… Ты голый?

— Ага…

Я опускаю глаза туда… ну, куда не надо было… А там ого… Ну, словом, ого-го…

— Нравится? — смеётся он.

— Я не знаю… Я же вижу это… ну… первый раз…

— Ты же уже видела меня голым, Эль.

— Ну, тогда я старалась как-то не смотреть…

— А теперь, вижу, ты не сводишь с него глаз. — И Дабл смеётся.

Упс… Я резко краснею: я ведь и правда зависла на его… а как это назвать-то? Банане? Ну, допустим… А этот банановый оборотень ещё и смеётся надо мной! А я ведь, можно сказать, вообще никогда в жизни не видела это вживую…

И вдруг он резко рвёт на мне трусики. Я ахаю. Похоже, всё… Сейчас начнётся… Может, как-нибудь убежать отсюда? Куда ты убежишь, дура, время закончилось.

Но Дабл берёт мочалку и начинает меня мыть. Он меня моет? Серьёзно? Настолько чистоплотный, что ли? А я чего ждала? Что он возьмёт меня прямо сейчас, в ванной? Ну… возможно… да… Может, я чего-то не понимаю в мужчинах…

Ой… Дабл проводит мочалкой по моей груди, и по телу разбегаются мурашки. Я начинаю громко дышать. А он тем временем медленно спускается… ну туда… между ног, блин… И… это приятно… Он стоит сзади, дышит мне в шею, проводит по ней языком… Я вздрагиваю… Он целует меня за ухом… И это та-а-ак приятно… Дабл смывает с меня пену, медленно опуская лейку душа всё ниже…

— Знаешь, ты очень красивая… Мокрая и красивая…

Никто и никогда в жизни не называл меня красивой прямо. Да, мне сулили хорошего мужа за хорошую внешность. Но чтобы вот так, прямо… И это, блин, чертовски приятно. И чувствовать его руки там…

— Дабл! — возмущённо говорю я. Ну, по крайней мере, пытаюсь.

— Ты слишком быстро таешь, милая. Пошли в спальню, — говорит он, одновременно выключая воду.

Подхватывает меня на руки, и в долю секунды я оказываюсь на его кровати. Он нависает сверху… Боже, какой же он…

— О чём думаешь, Эль?

— Огромный какой…

— Ты что, опять думаешь о моём…

— Дабл! Ты огромный в смысле! Не твой этот…

— Этот… кто?

Я краснею. Я просто не могу произнести это слово вслух. Кажется, я сейчас расплавлюсь от стыда и смущения.

— Ладно, малышка, новые слова выучим потом, — шепчет мне на ухо этот несносный оборотень и целует меня.

Я отвечаю на поцелуй и потихоньку расслабляюсь. Дабл не спешит, и это помогает мне принять ситуацию. Моё тело отвечает ему. Он гладит меня… обводит соски языком… целует в шею… Я не знаю, что делать с руками. Просто лежать уже не хочется: возбуждение накатывает, робость уходит… Я обнимаю оборотня, и его ласки становятся напористее… Он сжимает мою грудь, и у меня вырывается стон… Я хочу его…

— Эль… — шепчет он мне на ухо.

Я молчу. Я так сосредоточена на новых ощущениях, что еле его слышу.

— Эль, — говорит он уже твёрже.

— Что-о-о…

— Это твой первый раз. Я не могу войти в тебя сразу. Я сначала должен… ну, в общем, я знаю, что делаю. Просто доверься мне. Я сначала потрогаю тебя там рукой, ок?

Краснею. Опять. Я только расслабилась, и тут эти, блин, уточнения. А-а-а-а!

— Эль. Ответь мне.

— Ок, — еле выдавливаю я.

Его рука раздвигает мне ноги и касается губ… Я резко вдыхаю. Он чувствует моё напряжение и целует меня, и я немного отвлекаюсь на поцелуй. А его пальцы идут чуть дальше… касаются чего-то большим пальцем… и я вздрагиваю. Изо рта вырывается стон… Вау… Моё тело изгибается под движения его пальца… Я уже не стесняюсь стонать… Отпускаю ситуацию, так сказать… И как только я это делаю, он вводит в меня палец, продолжая другим массировать то, что сверху… И это очень приятно… А если он вставит эту свою штуку… Какой она будет? И мне вдруг хочется, чтобы он это уже сделал! Дабл словно чувствует это и шепчет:

— Потерпи, малышка… Ты ещё не готова. Сейчас я введу второй палец, и тебе может быть немного неприятно. Ты ведь такая узенькая. Надо тебя подготовить к моему… ну, в общем, ты же видела, какой он большой, когда в ванной не сводила с него взгляд…

Он опять это делает — опять заставляет меня неистово краснеть и представлять эту его штуку, да ещё и во мне… А она действительно огромная…

Дабл чуть сильнее надавливает большим пальцем, ну, туда, не знаю куда… Я вздрагиваю, и он вводит в меня два пальца. Немного больно. Я закусываю губу, и из меня вырывается стон…

— Я же говорил. А это всего лишь мои пальцы… А что будет, когда я войду в тебя…

От этих слов я, как ни странно, возбуждаюсь ещё сильнее. Боль смешивается с ощущениями от движений его большого пальца… И мне неистово хочется большего… Я немного теряюсь. Я хочу боли? Не-е-ет… Но это та-а-ак приятно… И я вскрикиваю. Моё тело там, внизу, пульсирует. Я громко дышу. Дабл медленно убирает руку и целует меня. Потом отстраняется, смотрит мне в глаза, улыбается во все свои оборотничьи зубы и говорит:

— Первое слово, которое мы выучим, — оргазм. Это был он, малышка. Повтори, чтобы не забыть.

— Оргазм-м-м… — лепечу я.

— Я принесу тебе попить… и мы продолжим. Теперь ты готова к моему большому другу, — говорит этот засранец и уходит на кухню.

Я зарываюсь в подушки от смущения. Ну неужели обязательно постоянно произносить подобное вслух?

Дабл поднимает подушку и протягивает мне стакан воды. Мне вдруг ужасно хочется пить, и я выпиваю всю воду залпом.

— Ну что, продолжим? — говорит Дабл. Его ноздри раздуваются, он вдыхает и вдыхает… мой запах, понимаю я.

Его руки… ох, его руки снова ласкают меня, губы целуют всё настойчивее, и возбуждение накатывает с новой силой… Он снова вводит в меня два пальца, двигает ими всё быстрее, и мой стон разрезает тишину подвала. Я хочу его. Сейчас мне уже мало его пальцев…

— Дабл… пожалуйста… — шепчу я.

Оборотень наклоняется надо мной, раздвигает мне ноги шире и говорит с дерзкой улыбкой:

— Что, принести тебе йогурт?

И входит в меня… Боль… Я кричу… Слёзы катятся из глаз… Да… это не пальцы… Он двигается медленно…

— Эль… посмотри на меня… Надо потерпеть пару минут, чтобы твоё тело ко мне привыкло.

Дабл слизывает мои слёзы и целует меня… Его язык проникает мне в рот… Ого… А что, так можно было? Я осторожно отвечаю ему тем же… Это меня отвлекает, и я чувствую, как тело начинает расслабляться. Боль почти сходит на нет, теперь она смешивается с удовольствием, с возбуждением. Я начинаю чувствовать его внутри себя. Каждое его движение отдаётся во мне наслаждением и болью. И я подаюсь ему навстречу…

— О-о, похоже, твоё тело готово набрать темп…

Он не просто ускоряется. Он движется так быстро, так неистово, что я не успеваю понять, где кончается боль и начинается удовольствие. Боже… Мои руки блуждают по его телу, цепляются за плечи… Я начинаю изгибаться, мне хочется на мгновение сжать ноги. Оборотень это чувствует и входит резко и глубоко. У меня искры сыплются из глаз. Больно, приятно, он пульсирует во мне, я выгибаюсь и пульсирую в ответ, я кричу… Моё тело дрожит в исступлении. Ва-а-ау…

— Оргазм… — шепчу я.

— О, ты запомнила. Приятно, что ты меня внимательно слушала.

Он подхватывает меня на руки и несёт в ванную. Я оборачиваюсь: постель в крови.

Вот и всё. Больше не придётся считать дни до… Теперь только дни после…

Я улыбаюсь и обнимаю оборотня, который любит банановое мороженое.

Глава 3

Открываю глаза. Живот болит очень сильно. Не сразу понимаю, где я. Воспоминания проносятся в голове со скоростью света. Осматриваюсь: я лежу у стенки, вплотную, и мне довольно тесно. Дабл занимает собой почти всю кровать.

— Боже, для вас что, не делают кроватей побольше?

— А? А-а-а… Так это и есть побольше. Самая большая, что я нашёл. Сейчас подвинусь. Извини, я слишком привык спать один.

— У меня сильно болит живот. И меня тошнит. У тебя есть какое-нибудь обезболивающее?

— Блин, я совсем забыл. Это так на вас, человеческих женщин, действует наша спер… кхм… ну, ты поняла, короче. Когда всё происходит в первый раз. У Кай живот болел где-то около суток. Вроде как у вас в это время запускается всё то, что должно у женщин запускаться. Как это работает — не спрашивай, я в этом плохо понимаю. В таких вещах больше шарит мой брат. Сейчас принесу тебе обезбол сверху.

— Сверху? Там же Икс!

Я вскакиваю и тут же хватаюсь за живот. Тошнота накатывает с новой силой. Дабл подхватывает меня и несётся со мной в ванную. Меня рвёт.

И тут на запястье пищат часы. Я уже и забыла, что они на мне.

«L-094-3317, вы не явились на Протокол 18 в назначенное время. Нарушение зафиксировано. Вам необходимо немедленно вернуться в город А1 и явиться в ближайшее отделение системы. Уклонение от Протокола 18 влечёт ответственность для вас и вашей семьи. Ваше местоположение не определено».

Для вас и вашей семьи. Мама. Папа. Меня снова выворачивает.

— Ты как? — спрашивает Дабл и накидывает мне на плечи свой халат: я ведь так и уснула голой.

— Лучше. Ты серьёзно хочешь пойти наверх?

— Икс ушёл ночью. Сразу после того, как мы… В общем, ты уснула, и в тишине я услышал, как хлопнула входная дверь. Я поднимался за новой пачкой сигарет и убедился, что дома никого. Так что не переживай. Я туда и обратно. У нас лежит запас лекарств для… Ну, в общем, я сейчас приду. Пойдём, отведу тебя на кровать.

Пока он говорит, я дотягиваюсь до своего рюкзака — он так и валяется на полу ванной со вчерашнего вечера. Натягиваю сухое бельё. Дабл молча протягивает мне свою футболку — ту самую, которую обещал ещё вчера. Она мне до середины икр, рукава ниже локтей, а ворот сползает с плеча. Не футболка, а платье. Ну хоть что-то.

«Отведу» — громко сказано. Он подхватывает моё вялое тело на руки, относит на кровать и укрывает одеялом.

— Я скоро, — повторяет Дабл и уходит.

М-да… Тошнота отходит на второй план, а вот живот болит ещё сильнее. Как он там сказал — будет болеть около суток? И Протокол 18 длится сутки. Видимо, чтобы новенькая жена не выглядела мочёным яблоком в постели назначенного партнёра.

Я сажусь и подкладываю под спину подушку. Лёжа снова становится плохо. Особенно от мыслей о доме. Интересно, можно ли как-то узнать, как там родители?

Джон… Нет, про него знать не хочется. Ему назначат новую супружницу, не хуже меня. Ха-ха, куда уж хуже. Наверное, он сейчас счастлив, что избавился от такой ненадёжной девушки, которая могла сильно подставить его в любой момент брака.

Надеюсь, ему назначат U-094-0518. Даже имени её произносить не хочу. Хотя какое там имя — у нас в квартале этих Ю штуки четыре. Имён женщинам не положено, только номера, а

прозвища по буквам повторяются через одну. В нашем классе, например, было три Эль. Учителя звали нас по последним цифрам номера: я была Семнадцатой. Эль меня звал только папа.

Так вот, U-094-0518. Самая противная девица нашего квартала: папочка при должности, дом с колоннами, а нос выше крыши. Её партнёра в прошлом месяце сослали за взятки. Теперь её семейка срочно ищет ей нового. А тут внезапно Джон — свободный, перспективный, работает в системе… Да тут просто звёзды сходятся. И в очереди подвинет, чтобы побыстрее обрюхатить.

Я смеюсь. Даже тошнить будто перестало. Потягиваюсь. Открывается дверь, и входит довольный до ушей Дабл.

— Смотри, что я тебе принёс. Тут и от тошноты, и от боли. Причём новые, только недавно обменяли на партию виски.

— Обменяли? На виски? Что такое виски?

— Так. Давай ты сначала выпьешь лекарства и поправишься. А потом уже перейдём к алкоголю.

— То есть виски — это алкоголь?

— Ага. Его-то мы и сдали кое-кому из системы, а они нам — лекарства.

Пока мы разговариваем, Дабл наливает воды и протягивает мне стакан и две таблетки. Розовые, с блёстками…

— Да они издеваются!

— Кто? Давай пей уже, потом поговоришь. Ты вся серо-зелёная.

Я пью. Так-то он прав, чувствую я себя плохо. Отдаю ему стакан.

— Понимаешь, все здания, где я училась, внутри розовенькие. На всех видео с пропагандой Протокола 18 тоже всё в розовом. И вообще всегда всё сводится к тому, что это очень мило и весело и бояться нечего. Мимими, цветочки, радуга, детишки. Фу. А ты протягиваешь мне эти таблетки. И, как я понимаю, взяли вы их у системы. Значит, они предназначены от боли после Протокола.

— А-а-а. Ну да, у вас там всё такое радужное. Даже меня это немного пугает, когда мы выбираемся в город под видом Хранителей. А таблетки раньше были просто розовые. Блёстки как раз в последнюю партию добавили. Икс ещё спросил у этого типа, который работает на систему, почему лекарства выглядят иначе.

— И что он ответил?

— Сказал, у них новый маркетолог. — Дабл пожимает плечами. — Видимо, решил, что девочкам после Протокола не хватает блёсток.

— Блин, они там сдвинутые на всю голову. Ненавижу их всех. Их тупые правила. И Джона — его больше всех!

— Кто такой Джон?

— Мой партнёр. Этот гадёныш смог подвинуть меня в очереди, и вместо пятидесяти девяти дней у меня остался всего один. Ещё и Хранителя мне выбрал, представляешь! — рычу я сквозь зубы.

— Знаешь, Эль, ты странная. Очень странная. Все девушки, которых я встречал, мечтали о такой жизни, как у тебя. Раз Джон смог всё это провернуть, у него высокая должность. Ты могла бы жить с ним в отличных условиях, в относительной безопасности. Многим это недоступно, особенно тем, кто живёт не в А1.

— Я не чувствовала себя там в безопасности. Никакой свободы. Я будто существовала в каком-то детском мультике. Мне даже своё мнение говорить было нельзя. Молчи, улыбайся и не сопротивляйся. Ни системе, ни родителям, ни Хранителям, ни мужу. Фу.

— Ну, я так-то тоже не свободен. А ты всё равно странная.

— Это я-то странная? Ты вообще контрабандист из Стаи Первых, а девушек, оказывается, спасаешь, а не воруешь.

Дабл смеётся.

— Ну, со мной всё просто. Отец только недавно разрешил мне заниматься делами Стаи в городе. Где-то год назад, я тогда уже был с Кай. А до этого я особо не сталкивался с жестокостью. Просто много ездил с ребятами по небольшим деревням оборотней.

— Деревни оборотней? А их много? Я думала, у вас в основном Стаи. Ну и, может, одно место, где вы… ну это… держите женщин и всё такое.

Я сжимаю кулаки. Вот она, ужасная сторона оборотней. Всё-таки они преступники, ужасные существа. Надо об этом помнить, несмотря на поведение Дабла. Ему нельзя доверять. Пока.

— Деревни строят в пустошах, вдали от городов. Оборотни, которые там живут, достаточно мирные. Они создают семьи с обычными женщинами и поэтому уходят из Стаи. Ну, сбегают, если быть точнее. Если ты не сын главаря, тебя искать не будут.

— С женщинами? В смысле, похищают их?

— Ну нет. Не всегда, по крайней мере. Чаще всего девушки из неблагополучных городов вашей системы сбегают сами. Или знакомятся с кем-то из Стаи, и вроде как становятся близки. Так же, как мы с Кай.

— То есть в этих деревнях оборотни создают настоящие семьи с человеческими женщинами? По доброй воле с обеих сторон?

— Ну, не всегда всё так идеально. Некоторые оборотни поколачивают своих жён — не у всех из нас мирный характер. Но в основном да: живут, рожают детей. Мужчины занимаются тяжёлой работой, а женщины следят за бытом и кучей детей. Там столько детей, Эль, ты не представляешь.

— А зачем тогда тебя туда посылал отец? Если мужчины, которые там живут, уже не в Стаях.

— Контрабанда. Они выращивают табак — из него мы делаем сигареты. Гонят алкоголь. Ну и достают разные металлы и детали со свалок, с остатков старого мира.

— А-а-а. То есть вы подвозите им лекарства и какие-то продукты в обмен.

— Ну, не только… Ещё детей…

— Чего?

Грохот. Наверху какие-то звуки. Топот, что-то тащат, ставят. Звон бутылок.

— Это Икс. Мне нужно к нему. Сиди здесь и не выходи, понятно? В туалет — только если прижмёт, и быстро: в ванной твои часы ловят сеть, а здесь нет. Мало ли что. Старайся не выходить из этой комнаты.

— Что? Зачем? Останься!

— Не могу, Эль. У меня есть обязательства. Я ненадолго, не переживай. У нас сейчас важная встреча, Иксу будет не до тебя. К тому же после вчерашней ночи ты ему уже не особо интересна.

— Меня это не успокаивает.

— Лучше пока поешь чего-нибудь, в холодильнике всё есть. С плитой, думаю, разберёшься. Вас же учили на ваших курсах быть идеальной женой. Справишься, — улыбается Дабл, одеваясь.

Я кидаю в него подушкой.

— Козёл!

— Приятного аппетита. Только банановый йогурт не пей, он последний. Я запру дверь наверх, ключ есть только у меня, — говорит оборотень и выходит за дверь.

Я бросаюсь следом. Но куда там. Пока я выбегаю в коридор, он уже наверху, и я слышу, как в замке массивной двери проворачивается ключ.

Ну класс. Я, блять, одна в логове оборотней. В подвале. Без возможности выбраться. «Сиди в комнате», бла-бла-бла. А вдруг их долго не будет? А вдруг они вообще не вернутся? Чёрт! Отставить панику.

Я выдыхаю. Живот урчит. Похоже, пора поесть: я ведь толком не ела с позавчера.

Злость на Дабла за то, что он вот так ушёл, ещё не утихла. Поэтому я открываю холодильник, беру банановый йогурт и выпиваю его залпом. Вот так-то. И смеюсь. Боже, я как ребёнок: отомстила здоровенному оборотню тем, что выпила его йогурт.

Тревога потихоньку спадает. Хуже, чем вчера, уже не будет, правильно? Ага, конечно. Тебе ещё надо выбраться из этого подвала, Эль, не забывай. Да, Икс не напал на меня вчера, потому что за меня заступился его младший брат. Но… А безопасен ли для меня сам Дабл? Отпустит ли он меня? Или будет держать здесь, как комнатную зверушку? Непонятно. Вопросов больше, чем ответов.

С другой стороны, хорошо, что меня вроде как не изнасиловали и не увезли в инкубатор. Пока что. Ну, это уже совсем пессимистично.

В общем, с банановым оборотнем надо дружить, это факт. Он хотя бы вроде адекватный. Может, и пожалеет бедную беглянку. А как дружить-то? Получается, надо ещё быть это… соблазнительной, наверное. Даже Джон пытался побыстрее затащить меня в койку, а эта тестостероновая гора и подавно не прочь позабавиться с молодой девушкой. В общем, план пока такой: не ссориться с Даблом и очень сильно ему понравиться. Чтобы ему уж наверняка захотелось вытащить меня из этого подземелья живой. И желательно не в инкубатор. Ну всё, прекрасно. Это же так просто.

Смеюсь. Живот ещё болит, а тошнота уже прошла. А есть по-прежнему хочется. Надо что-то приготовить.

Открываю холодильник ещё раз. Яйца, сливочное масло. Оборачиваюсь: на столе лежит хлеб, рядом маленькая электрическая плитка и чайник. Не густо, но с голоду не умрёшь, Эль.

Где же взять сковородку? Осматриваю единственный шкаф — только кастрюля. Хм. Смотрю направо: раковина завалена посудой, и из неё торчит ручка сковороды. Ну класс. Мне теперь ещё и посуду за ним мыть? Ни хрена подобного. Выуживаю сковороду и мою только её. А что, могу себе позволить. Я ему не жена, в конце концов.

Готовлю яичницу. Пока она жарится, делаю себе бутерброд с маслом и чай. Красота-а-а. Наконец-то ем — прямо со сковороды, кстати. Ха.

Грохот. Прямо сильный. Будто кто-то что-то швыряет в шкаф. И рычание. Ой, страшно.

Тишина. И снова грохот, и какие-то слова — кто-то спорит.

Иду к двери. Не слышно. Тихонько открываю. Блин, не разобрать. А они там ругаются не на шутку. Господи, что там за медведь так рычит? Действительно, ещё спрашиваешь. Уже забыла, как вчера рычал Икс? М-м-м… А не на Дабла ли он так злится? Блин, он же моя единственная ниточка к свободе.

Крадусь по лестнице к верхней двери. Стра-а-ашно. А что делать-то? Прислоняюсь к двери. Слышу рык и грохот. Что-то тяжёлое врезается в стену и разлетается — кажется, стул.

— Куда ты дел девчонок, Кью?! — рёв Икса такой, что дрожит дверь. — Пять штук! Пять, мать твою! Отец ждёт партию через две недели!

— Босс… босс, я всё верну, клянусь…

Глухой удар. Кто-то хрипит.

— Вернёшь? Откуда? Ты их продал. Кому?

— Пастырям… Они платили втрое, босс. Втрое! Я думал, мы наберём новых до…

— ПАСТЫРЯ-А-АМ?! Мы же теперь не сможем их вернуть! — орёт Икс.

Потом его голос вдруг становится тихим, и от этого ещё страшнее.

— Ты решил, что можешь торговать моим товаром у меня за спиной. И что я скажу Вожаку? Что мой человек решил подзаработать?

— Босс, пожалуйста…

— Ты хоть понимаешь, что это была очень дорогая партия? Это, блять, были не просто девки, выкинутые системой. Это были девочки для Восточных. Ты что, решил устроить мне войну между Стаями?

— Н-но… н-но я же н-не знал… — заикается этот Кью.

— Две недели, Кью. Из-за тебя у всех нас две недели, чтобы найти подходящий товар для Восточных. Или быть беде.

Звук удара. Ещё и ещё. Вой. Похоже, Икс срывает на Кью злость — раз за разом. Тот уже не издаёт ни звука.

— Икс, хватит! Ты же убьёшь его! Он знает слишком много ходов из города и людей в системе. Он нам нужен.

— Жалкий неудачник. Он ломает мне все планы.

— Ты хотел сказать — нам?

Икс молчит. Звук, будто кого-то тащат. Наверное, куда-то уволокли Кью. Надеюсь, живого.

Я сползаю по двери вниз. Боже, куда я попала… Я плачу. Страшно. Девушки для Икса — просто товар. Они хотели их продать… А Кью, может, уже мёртв. Какая же я глупая. Мне нужно выбраться отсюда. Любым способом.

Я вытираю слёзы.

— Дабл, ты здесь? — Похоже, Икс оттащил того бедного парня и вернулся.

— Да, брат, я здесь.

— Мне нужно будет уехать.

— Поедешь искать новых девушек?

— Не просто девушек, Дабл. Нам нужны здоровые, красивые, с отличными анализами, из благополучных районов, образованные — самые дорогие цыпочки, одним словом. Вожак Восточных хочет женить пятерых своих сыновей. У них свои понятия: они берут женщин в семью, в Стаю. Меня от этого, конечно, воротит. Но что поделать. Платят они отлично, и у нас с ними союз. В общем, через две недели нам надо привезти к отцу пять элитных девушек. И я не знаю, как это сделать.

Тишину разрезает резкий громкий удар, и дверь, на которую я облокотилась, трясётся. Похоже, Икс ударил в стену.

— Пастыри ненормальные. Думаю, наш товар уже не так красив, как был. И нам он больше не подойдёт.

— Икс, ты думаешь, они заплатили такие деньги за женщин, чтобы их избить?

— Не совсем. Эти чёртовы оборотни — сумасшедшие. Они стригут баб наголо и набивают им номер на затылке. Чтобы знали своё место, что ли. Не знаю. Это очень маленькая Стая, оборотней у них всего пятнадцать. И женщины у них общие. Живут все в одном месте. Мне даже немного не по себе от того, что так вышло с этими девками. Всё-таки они дорогой товар, чтобы жить с этими фанатиками.

Одуреть. То есть мои оборотни — это ещё цветочки. Меня бросает в дрожь от мысли, что я могла попасть в руки этих Пастырей. Номер на затылке. Ха-ха, системе бы наверняка понравилось. Очень удобно и видно издалека. Меня опять трясёт.

За дверью шуршание. Будто пересчитывают наличные.

— Дабл, вот тебе деньги. Лекарства я сегодня отвёз на склад, завтра их заберут люди отца. Тебе нужно будет завтра вывезти алкоголь — у двери стоят четыре ящика. Отдашь их нашему общему знакомому, Рафаэлю. Он будет ждать тебя у станции в 6:00. Не забудь одеться как Хранитель. Алкоголь в коробках из-под лекарств: все должны подумать, что вы просто грузите новую партию таблеток. Справишься?

Рафаэль? Я замираю. Тот самый Раф, «просто душка», которого мне выбрал Джон? Да ну. Мало ли в системе Рафаэлей — Хранителям дают ангельские имена, у них там, наверное, через одного Рафаэли да Габриэли. Тем более я даже не знаю, как он выглядит. Вряд ли это он.

— Конечно. Не первый раз.

— Я заберу с собой одного из твоих друзей, Пи.

— Друзей? Ты хотел сказать — сторожевых псов.

— Неважно. Меня не будет какое-то время. Если что — звони. И ещё. Я привёз тебе вот это. Ты знаешь, что с этим делать?

— Да! Спасибо, Икс. И за то, что утром оставил таблетки для Эль, тоже.

— Э-э-эль… С каких пор у женщин есть имена, Дабл? А таблетки я оставил, потому что просто хочу, чтобы ты уже натрахался с кем-нибудь вдоволь и забыл свою девку. Спать с женщиной можно. Держать её у себя в подвале тоже, сколько тебе хочется. Можешь затрахать её там хоть до смерти. Но сбежать с ней я тебе не дам. Не дай бог узнаю, что ты снова задумал побег, — отдам тебя отцу. Понял?

— Да, Икс, понял.

— Вот и славно.

Звук удаляющихся шагов. Я спешу свалить с места преступления, так сказать: непонятно, как Дабл отреагирует на то, что я подслушивала. Захожу в комнату, сажусь допивать остывший чай — и как раз в этот момент входит оборотень.

Глава 4

— Эль, ну как ты тут? Поела?

Я растерянно киваю. Пока не могу понять, что делать, что говорить, как переварить всё, что я услышала. И как снова перестать бояться Дабла.

— Малышка, ну ты чего грустишь? Что-то случилось?

— Я выпила твой йогурт.

— А-а-а, за это не переживай. Икс свалил на несколько дней, так что мы с тобой сможем даже прогуляться.

— Правда? Ты серьёзно? Ты отпустишь меня?

— Э-э-э… Нет, Эль. Пока нет. Чтобы тебя отпустить, нам нужен план. Во-первых, за мной следят. И тебя просто так мне отпустить не разрешат. Ну, только если в Гнездо.

— Гнездо?

— Ну, место, где мы держим женщин. Где рождаются и первый год растут оборотни.

— М-да… Миленькое название для тюрьмы, ничего не скажешь. Вы с системой случайно не у одного маркетолога консультируетесь?

— Ну, как есть. В общем, отпустить я тебя пока не могу. Мне нужно время. Я пока вообще не представляю, как смогу тебя вытащить. Самое простое и логичное, что мы с тобой сейчас можем сделать, — это играть парочку. Типа ты влюбилась в огромного крутого оборотня. А я, уж извини, буду на виду у других делать вид, что ты для меня просто игрушка для секса.

— Прекрасно. Всегда мечтала сбежать из одной изоляции, чтобы попасть в другую. Но ты не переживай, роль куклы мне отлично знакома. Слава богу, тут мне хотя бы не придётся рожать без остановки. И улыбаться нелюбимому мужу.

— Просто роль глупой красивой влюблённой девушки на данном этапе может спасти тебе жизнь. И то, что я буду относиться к тебе пренебрежительно, — тоже. Учитывая, что брат сделал с Кай, когда узнал о наших чувствах.

— Да ладно, я не против. Просто ты же понимаешь, я в этом, ну, не спец. Я, конечно, постараюсь, но уж как получится.

— Ой, просто смотри мне в глаза, цепляйся за мою руку, хихикай по любому поводу и не показывай, что ты умная. И вопросов задавай поменьше. Или совсем глупые.

Он подходит ко мне, поднимает со стула и обнимает. Мне становится чуть легче. Его слова звучат убедительно. И то, что он готов хотя бы на время вывести меня отсюда погулять. Как собаку, конечно, на поводке. Но тем не менее это лучшее, на что я могла надеяться после скандала наверху.

— Э-э-эль… — шепчет Дабл мне в ухо.

— М-м-м?

— Я знаю, что здесь не очень хорошая звукоизоляция. Ты не хочешь ничего у меня спросить, пока мы дома?

— Блин. Я не знаю, о чём спрашивать. Жив ли тот парень, которого Икс чуть до смерти не избил? Кто, мать твою, такие Пастыри? Вы серьёзно ещё и делите девушек на категории? Девушек могут взять в Стаю? Да я в ахере! Не знаю я, о чём спросить, блять. И мне совсем не жаль, что я выпила твой йогурт, вот.

— Ах ты маленькая засранка, ты подслушивала!

— Да! Я думала, это Икс тебя избивает. И пошла проверить.

— Ой, это очень мило с твоей стороны, — мурлычет Дабл и целует меня, не выпуская из объятий.

А я отвечаю. А что мне остаётся? Надо как-то не очутиться в Гнезде. Господи, ну и мерзкое название, надо же такое придумать.

Ой. Меня опрокидывают на стол. Чашка падает на пол, но оборотень этого не замечает. Он вытягивает мою правую руку вверх и быстро её фиксирует. Резко прекращает поцелуй и говорит:

— Эль, извини, тебе придётся немного потерпеть.

Он вытаскивает из кармана что-то маленькое, острое и блестящее. Мои глаза расширяются от ужаса. Блять, вот и доигралась. Что он хочет со мной сделать? Чёртов извращенец. Я ору во всю силу лёгких. Он сильнее придавливает меня к столу.

— Да не дёргайся ты! Я просто хочу отключить твои часы. Чтобы выйти наружу. Но это чертовски больно. Поэтому можешь орать, если тебе так легче. Но эту дрянь пора вытащить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.